

ДОИСЛАМСКИЕ ХРАМЫ ОГНЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Орто Азиядагы эн байыркы исламга чейин моморчулуктун туру – от храмы каралган.

Рассматривается один из древнейших типов доисламского зодчества на территории Средней Азии – храмы огня.

One of the most ancient types of pre-Islamic art of building in Central Asia – temple of fire is being under review.

В Средней Азии зороастризм появился уже в эпоху Ахеменидского государства, и традиции этой самой распространенной религии прослеживаются в архитектуре на протяжении тысячелетия. В IV-V вв. н.э. зороастризм исповедовался преимущественно в центральных и северных районах Средней Азии. Наиболее видимые его проявления - святилища огня и оссуарные захоронения. Помимо всего, имеется множество источников, свидетельствующих о существовании в Согде, Бактрии, Хорезме, Маргиане храмов и святилищ, связанных с почитанием и возжиганием огня. Так, на существование храмов и домов огня (оташкеды и оташхона) в Согде указывают пехлевийские тексты, арабские историки, Наршахи и особенно Беруни. Сообщается о храме огня в Самарканде, где Сиявуш сын Кавуса установил чудотворный огонь /1/. В Согде, вблизи Самарканда на городище Кургантепе Г.А.Пугаченкова выявила храм, связанный с культом огня /2/. В Чаче в Актепе Чиланзарском (территория современного Ташкента) храм огня отличается четырьмя башнями, укрепляющими углы святилища в обводе коридоров с трех сторон /3/. Структура последнего сближает храм с храмом огня Уструшаны, раскопанным У.П.Пулатовым /4/.

Несколько храмов исследованы Г.А.Пугаченковой в Мианкале на территории современной Самаркандской области, в ее западной части /5/. Два храма раскопаны в шахристане древнего Пенджикента /6/. Наконец, надо вновь указать на вышеназванный храм Окса, один из самых величественных храмов огня на территории Бактрии.

Одним из первых храмов огня, раскопанных на территории современного Таджикистана, является храм, раскопанный и археологически изученный У.П.Пулатовым на холме Актепа близ Нау /7/. Храм, датируемый VII в., представляет собой квадрат сырцовых стен, имеющих по четырем углам башни круглой формы. Он состоял из центрального помещения и обводного коридора со всех четырех сторон. Коридор был соединен с центральным помещением - целлой четырьмя проемами. В центре помещения находился сырцовый очаг для священного огня. В качестве местной особенности можно считать подземный потайной коридор в виде сводчатого хода, сложенного в технике клинчатой кладки. Позже «Дом огня» Актепа расширяется до целого комплекса за счет различных пристроек.

Крупные храмовые комплексы огня исследованы в Южном Узбекистане (Северная Бактрия-Тохаристан) и в Хорезме. Культовый комплекс на городище Еркурган состоял из парного храма (западного и восточного), где святилище восточного здания состояло из прямоугольного зала (13,2x7,5м) с двумя массивными кирпичными колоннами в продольном направлении и колонного же портика на оси входа. Стены святилища были украшены полихромной орнаментальной и сюжетной живописью. Все стены зала имели ниши, позднее заложенные, кроме центральной на северной стене. На специальном трехступенчатом постаменте ставилась скульптура божества. В центре зала был возведен кирпичный алтарь, где возжигался священный огонь. Как считает исследователь памятника Р.Х.Сулейманов, культовый ансамбль Еркургана восходит к храмам Афины и Геракла, где наряду с огнем почитались греческие боги /8/ .

Храмы и святилища огня найдены и в Горном Бадахшане, из которых изучены храм огня Кафыркала (I-IV вв.) в Шугнанском районе, храм огня Зонг в Ишкашимском районе, домашнее святилище огня в сельской усадьбе Патхур в Шугнанском районе, храм огня в поселении горняков Базардара XI век и др. /9/.

В целом, А.К.Мирбабаев храмовые сооружения V-VIII вв. подразделяет на несколько типов: общегородские храмы, посвященные отдельным богам; храмы представителей отдельных городских сословий; придорожные храмы; домовые святилища огня /10/. Столь широкая типология храмовых сооружений свидетельствует о том, что до прихода арабов и исламизации населения среднеазиатские народы исповедовали в основном религию Заратуштра, приспособленную к местным традициям культовой идеологии.

После исламизации Средней Азии многие приверженцы зороастрийской религии продолжали по-прежнему исповедовать старую религию. Так, сообщается, что после завоевания Бухары предводитель арабов Кутейба ибн Муслим трижды обращал жителей города в ислам, «...но они (повторно) отрекались и становились неверными. В четвертый раз, когда он сражался и захватил город, он установил там ислам с большим трудом. Он вселил ислам в их сердца, а (их религию) всеми способами затруднил... Кутейба счел нужным приказать жителям Бухары отдать половину домов арабам, чтобы те жили вместе с ними и знали об их настроениях. Тогда они были бы обязанными стать мусульманами... Он построил мечети и искоренил следы неверия и убеждений огнепоклонников. Он воздвиг большую мечеть и велел жителям молиться в ней по пятницам... На этом месте был храм... Он повелел объявить: «Кто придет на пятничную молитву, тому я дам два дирхема» /11/.

Ярким примером разрушения или перестройки храмов и алтарей огня является храм идолов Бунджиката, столицы Уструшаны, который после прихода арабов был перестроен в мечеть /12/. В целом, как пишет Е.А.Дорошенко, до середины IX в. в Иране, да и в Средней Азии, не

наблюдалось массового принудительного обращения зороастрийцев в ислам. Позже борьба за установление по всему Халифату единой веры - ислама - принимает жесткие формы /13/. По этому поводу Б.Л.Заходер пишет следующее: «Первые признаки нетерпимости и религиозного фанатизма появились лишь после того, как ислам выполнил свою задачу синтеза и усвоения культурного наследия народов Передней Азии» /14/.

Действительно, именно освоение традиций зороастрийских культов и верований, а также архитектурных сооружений было одним из характерных черт зодчества Средней Азии в раннеисламский период. С победой ислама старые образы и символы не исчезли, но обрели новый смысл. В целом, исследования ученых, в том числе и наши, показали, что преемственность доисламских традиций в архитектуре Средней Азии IX-XI вв. шла по трем направлениям /15/.

Во-первых, в Средней Азии рассматриваемого периода продолжали использовать сформировавшиеся в V-VIII вв. гражданские и иные сооружения без изменения их функций, как, например, кешки, каравансарай, бани и др. Культовые же постройки, не меняя в целом архитектурные формы, приобретали новые функции. Например, многие храмы домусульманских культов, в том числе храмы огня, были превращены в мусульманские мечети /16/. Один из подобных примеров мы привели выше, а именно, храм идолов в шахристане городища Калаи Кахкаха I, раскопанный Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедицией под руководством академика Н.Н.Негматова. После прихода арабов путем устройства на западной стене зала михраба многоколонная структура была приспособлена в качестве мечети.

Не менее интересные сведения об использовании существовавших построек раннего средневековья дают материалы этнографических исследований в горных районах Таджикистана. В частности, как считает Н.А.Кисляков, с укреплением мусульманства в Верхнем Зеравшане (в прошлом - горная Уструшана и Согд) на базе «алоухона» (дома огня, где

давали приют на ночь гостям и приезжим мужчинам, где мужское население проводило вечер за чаепитием), как более архаичный тип общественного здания, стали возникать мечети /17/. Поэтому очень часто мечеть заменяла алоухона. Например, мечеть в селении Рог, состоящая из одного помещения, имела на полу в центре комнаты углубление для разведения костра, вокруг которого сидели зимой /18/.

Во-вторых, преемственность традиций наблюдается в создании ранее не известных архитектурных форм на основе развития в новых условиях традиционных образов и форм древней культуры народа. Как подчеркивает Л.С.Бретаницкий, «...решающими факторами формирования локальных типов сооружений... были: специфика этапа историко-социального развития той или иной области, реальности природных условий строительства, а также сила местных издревле слагавшихся архитектурно-художественных традиций» /19/. Одним из главных условий развития архитектуры в рассматриваемый период являлось применение в монументальном строительстве нового материала - жженого кирпича, способствовавшего созданию новых архитектурных форм, в частности, купольно-сводчатых структур.

Рассматривая идею купола в архитектурной системе Средней Азии, необходимо указать на его местные истоки, а именно, на генетическую связь «купола на квадрате» со ступенчатыми деревянными перекрытиями типа «чорхона» или «равзан» в структуре горнобадахшанского жилища или купольного чортака, сформировавшегося на территории распространения ираноязычных народов. Блестящим воплощением строительного искусства эпохи является мавзолей Саманидов в Бухаре, древнейшее из дошедших до нас зданий, целиком возведенных из жженого кирпича /20/. Объемно-пространственная структура мавзолея знаменует сложение нового типа центрального купольного сооружения над могилой, возникновению которого, однако, способствовали вековые строительные традиции, бытовавшие в домусульманский период. Например, Б.Н.Засыпкин еще в

1926 году высказал мысль, что галерея этого памятника является элементом доисламской архитектуры /21/. В.Л.Воронина отнесла мавзолей к типу здания «киоск» или «балдахин», известному в Средней Азии под названием «чортак» /22/.

Мавзолей Саманидов не был единственным в своем роде - на кладбищах Мервского оазиса до недавнего времени стояли четырехарочные постройки, которые Г.А.Пугаченкова считает специфичными для северо-хорасанской архитектурной школы. Самый ранний из всех - мавзолей Кыз-биби, датируемый IX веком, два других - не позднее начала XI в., более поздний мавзолей Бурейды построен в XV в. /23/. А.М.Прибыткова усматривает в структуре этих построек связь с сасанидскими чортаками, «повлиявшими на формирование как мечетей, так и мавзолеев» /24/.

Форма усыпальниц-чортаков Северного Хорасана легко объяснима, поскольку округ Мерва находится на территории распространения влияния государства Сасанидов. Как подчеркивает В.Л.Воронина, мавзолей Саманидов, в основе которого лежит форма чортака, вышел за пределы Северного Хорасана /25/. Более того, как отмечает В.Л.Воронина в упомянутой статье, ареал распространения четырехколонных купольных киосков не ограничен Средним Востоком, такие мавзолей-киоски были нормой для Египта (группа Саби Банат над могилами членов магрибского рода, XI в.), для западно-сахарских кубба, Индии (ранние усыпальницы Дели, XIII-XIV вв.) и др.

Третья линия восприятия традиции доисламской архитектуры - это включение традиционных форм и элементов в новые композиции в качестве пережиточного компонента. Как пишет Л.И.Ремпель, «старое вино было влито в новые меха», можно объяснить ряд устойчивых форм мусульманского времени глубиной традиций, восходящих к далекому прошлому /26/.

Так, в IX-X вв. в жилищах огонь возжигался в глиняных «очажках», имевших форму открытого спереди полуовала. В изображениях на

внутренней стороне и лицевых плоскостях «очажка» Л.И.Ремпель угадал астральные знаки, небесные светила, животные, растения, а порой и человеческие фигуры с палицей в руках, отождествляемые со служителями храмов огня. «Уж не был ли «очажок» воспоминанием об уничтоженных исламом «домах огня», где совершались ритуалы, связанные с почитанием сил природы?», - задает вопрос этот ученый /27/. Поэтому мы с уверенностью можем утверждать, что самаркандские «очажки» IX-X вв. полностью раскрывают старую тему в новом облики.

Говоря о конкретных архитектурных формах, можно вновь вернуться к мавзолею Саманидов в Бухаре, где большие споры вызывала его венчающая галерея. Так, еще в 1936 году Л.И.Ремпель высказал мнение, что галереи мавзолея Саманидов представляют рудимент кругового обхода, составлявшего принадлежность доисламских святилищ Ирана и Восточного Туркестана /28/. К такому же выводу пришла В.Л.Воронина после археологического вскрытия храмов древнего Пенджикента /29/. Впоследствии она отказалась от своего первоначального мнения в пользу конструктивно-эстетической роли галереи /30/. Б.А.Литвинский и А.М.Прибыткова считают назначение галереи чисто конструктивным - противостоять распору купола /31/. Г.А.Пугаченкова производит формы мавзолея от «пенджикентского траурного кеда», Б.А.Литвинский полагает возможным перенос в облик среднеазиатских мавзолеев «ритма аркад ступы», а М.С.Булатов довершает этот спор идеей происхождения галереи от «сабейского храма Первопричины» /32/. В целом, обобщая приведенный научный спор, можно заключить, что большинство исследователей в целом не отрицают влияния доисламских прототипов, в частности, культовых построек типа храма огня на формирование архитектурных форм и деталей мавзолея Саманидов и других подобных сооружений на территории Среднего Востока.

Продолжая идею третьей линии восприятия доисламских традиций, можно считать, что алтарные ниши огня превратились в молитвенные ниши

- михрабы, что можно угадать в формах алтарной ниши из поселения Гардани Хисор VI-VIII вв. в Верхнем Зеравшане /33/.

«Дома огня» превратились в чирогхона - светильники с нишками для возжигания в них лучины или установки светильников - чирогдонов, например, круглая чирогхона в виде столба из жженого кирпича, облицованная поливной мозаикой, увенчанная сфероконическим сводом, есть на кладбище при мадраса Улугбека в Гиждуване (XV в.). Функции «храмиков огня» переносились со временем и на керамические изделия, подражавшие, опять же, архитектурным формам.

Устойчивость и преемственность доисламских традиций заметна и в архитектуре погребальных, культовых и общественных сооружений на территории Таджикистана. Так, например, чортак можно усмотреть в архитектуре мечети Сангин в Гиссаре, в ее ранних стадиях формирования (X-XI вв.), когда центральное купольное помещение имело три проема в стенах /34/. Позднее, в XIV веке, появляется сводчатая галерея с южной и восточной сторон.

Центрическим купольным чортаком представлялось и первоначальное помещение мавзолея Махдumi Азам в Гиссаре, выстроенное в X-XI вв. Позднее к купольному гурхона-чортаку пристраивают зиёратхона (предположительно XI-XII вв.) и еще позднее окончательно формируется многокамерный мавзолей XVI в. /35/.

Но не только культовыми сооружениями средневековья ограничивается использование древнего зороастрийского типа - чортака. Универсальность объемно-пространственной композиции киоска-чортака позволила использовать его в различных вариациях в зодчестве Средней Азии. Одним из примеров функционального использования является его назначение в виде «сеней» в культовом ансамбле Самарканда XI-XIX вв. - Шах-и Зинда. В частности, общая планировочная композиция памятника по ходу коридора условно делится на три группы – «нижнюю», «среднюю» и «верхнюю». Все они связаны между собой проходными арочно-купольными чортаками /36/.

Список литературы

- 1 Markwart I.A. Catalogue of the Provincial Capitals of Erahshahr.- Roma, 1931, p.8; Мухаммад Наршахи. История Бухары. - СПб, 1904, с.26,20; Абу Райхан Беруни. /Избр. произ. - Т.І.-Ташкент, 1957, с.254,257, и др.
2. Пугаченкова Г.А. Новое в художественной культуре античного Согда // Памятники культуры. Новые открытия. - Л.: Наука, 1985. - С.522.
3. Филанович М.И. К типологии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чач. // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность и раннее средневековье.- Ташкент: Фан, 1987. - С.149, рис.1б.
4. Пулатов У.П. «Дом огня» в Уструшане // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. - Душанбе: Дониш, 1977. - С.77-79.
5. Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля.- Ташкент: Фан, 1989. - С.94, 95.
6. Воронина В.Л. Доисламские культовые сооружения Средней Азии // Советская археология. - 1960.- М., № 2. - С.42-55; Шкода В.Г. Об одной группе среднеазиатских алтарей огня в V-VII вв. // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. - Л.: Наука, 1985. - С.82-89.
7. Пулатов У.П. «Дом огня» в Уструшане //Указ. соч.. - С.77-79.
8. Сулейманов Р.Х. Храмовый комплекс Еркургана, Предварительные результаты изучения // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность и раннее средневековье. - Ташкент: Фан, 1987. - С. 185-143, ил.
9. Бубнова М.А. Древние памятники Горно-Бадахшанской автономной области (Западный Памир). - Душанбе: Дониш, 1998, рис.17, 109-111, 23.
10. Мирбабаев А.К. Типология зороастрийских погребальных памятников Средней Азии V-VII вв. н.э. // Авеста в истории и культуре Центральной Азии. - Душанбе: Изд-во АН РТ, 2001. - С.200-201.
11. Наршахи М. История Бухары //Указ. соч. - С.10-11.

12. Негматов Н.Н, Авзалов Р.З, Мамаджанова С.М. Храм и мечеть Бунджиката в Калаи Кахкаха I. // МКТ. - Вып.4. - Душанбе: Дониш, 1987. - С.181-214, ил.
13. Дорошенко Е.А. Зороастризм в Иране //Указ. соч.. - С.39.
14. Заходер Б.Н. История Восточного средневековья. - М.: АН СССР, 1944, с. 82.
15. Маньковская Л.Ю. Формообразование в зодчестве Средней Азии на рубеже раннего и развитого средневековья // Раннесредневековая культура Стренией Азии и Казахстана. - Душанбе: Дониш, 1977. - С.173-175; Мамаджанова С.М., Мукимов Р.С. Вопросы преемственности традиций в зодчестве Мавераннахра IX-XI вв.// Абуали ибн Сино и его эпоха. – Душанбе: Дониш, 1980. - С.82-90, и др.
16. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. - Соч.. - Т.2. - Ч.1. - М.: АН СССР, 1963, с.122.
17. Кисляков Н.А. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX - начале XX века // Тр. Института этнографии АН СССР. Новая серия. – Том 74. - М., 1961. - С.159.
18. Хамиджанова М.А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли.- Душанбе: Дониш, 1974. - С.26.
19. Бретаницкий Л.С. Проблемы типологизации архитектурного наследия Переднего Востока // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. - М., 1979. - С.23.
20. Булатов М.С. Мавзолей Саманидов - жемчужина архитектуры Средней Азии. – Ташкент: Изд. литер. и иск., 1976.
21. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрации // Вопросы реставрации. - Вып. I. - М., 1926. - С.153.
22. Воронина В.Л. Мавзолей Саманидов и его зарубежные аналоги // Архитектурное наследство. - 1985.- М. - Вып. 33. - С.191.
23. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма.- М.: АН СССР, 1958. - С.175-178, 402.

24. Прибыткова А.М. Строительная культура Средней Азии IX – XII в. - М.: Стройиздат, 1973. - С.52, 60, рис.19, 25.
25. Воронина В.Л. Мавзолей Саманидов и его зарубежные аналоги //Указ. соч., с.191.
26. Ремпель Л.И. Архитектурные модели мемориальных сооружений и некоторые старые уроки наследия // Архитектура Узбекистана. Альманах. - Ташкент: Издат. литер, и искус., 1985. - С.71.
27. Ремпель Л.И. Архитектурные модели... //Указ. соч.. - С.71.
28. Rempel L. The Mausoleum of Ismail the Samanid.// Bulletin of American Institute for Persian Art and Archeology, IV, 1936.
29. Воронина В.Л. К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов // Труды АН Тадж. ССР. - Том 27. - Душанбе, 1954. - С.45.
30. Воронина В.Л. Архитектурный орнамент Средней Азии (вопросы классификации) // Архитектурное наследство. - 1980.- М. - Вып.28. - С.188, прим. 16.
31. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджинатепе. - М.: Искусство, 1971. - С.44; Прибыткова А.М. Среднеазиатские мавзолеи с галереей в стенах // Архитектурное наследство. – 1980. - М. - Вып.28.
32. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджинатепе //Указ. соч. - С.45; Булатов М.С. Мавзолей Саманидов... //Указ. соч. - С.73-83.
33. Веселовский В.Г., Мукимов Р.С., Мамадназаров М.Х., Мамаджанова С.М. Архитектура Советского Таджикистана. - М.: Стройиздат, 1987. - Рис. на с.20.
34. Алиева З., Мукимов Р., Самойлик П. Мачити Сангин // Хисорский заповедник и его архитектурные памятники. - Душанбе, 1993. - С.48-50, рис.2.
35. Мукимов Р.С.. Махдуми Азам // Там же, с.62-63, рис.5.
36. Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шах-и Зинда. - Ташкент: Изд-во. литер. и искус., 1979. - С. 20-21, рис.23.